

Глава 1

Судно должно было подойти к карантину к четырем часам утра, когда большинство пассажиров еще спали. Некоторые из них проснулись, услышав грохот спускаемого якоря, но, несмотря на сделанные накануне клятвенные заверения, лишь у немногих хватило мужества подняться на палубу, чтобы увидеть огни Нью-Йорка.

Последние часы плавания оказались самыми трудными. Даже теперь, когда они находились в устье Гудзона, в нескольких кабельтовых от статуи Свободы, пароход то и дело качала большая волна. Шел дождь. Вернее моросило, потому что сверху падала холодная водяная пыль, пронизывая всё и словно лаком покрывая поручни и металлические перегородки, отчего палуба становилась скользкой и мрачной.

После того как заглушили двигатели, Мегрэ натянул тяжелое пальто прямо на пижаму и поднялся на палубу, где в разных направлениях метались неясные тени, то взлетая высоко над ним, то опускаясь далеко вниз из-за сильной килевой качки.

Закурив трубку, он смотрел на городские огни и на соседние суда, ожидавшие появления санитарной службы и таможенников.

Жана Мора он не увидел. Правда, Мегрэ недавно прошел мимо его каюты, из которой пробивался свет, и едва не постучался. Но зачем? Он направлялся к себе, чтобы побриться. Накануне ему пришлось основательно выпить, и он помнил, как помнят о разных несущественных мелочах, что ему пришлось отпить большой глоток виноградной водки прямо из горлышка бутылки, спрятанной мадам Мегрэ среди вещей.

Что было потом? В пятьдесят шесть лет он совершал свое первое плавание и удивлялся, что не испытывает особого любопытства, оставаясь безразличным к живописным пейзажам.

Корабль просыпался. Слышались шаги стюардов, таскавших багаж по коридорам, звонки вызовов из кают.

Собрав вещи, он снова поднялся на палубу; мелкий морозящий дождь превратился в молочную туманную пелену, и огни бетонной пирамиды Манхэттена, заполнявшей весь пейзаж, заметно потускнели.

— Вы не сердитесь на меня, комиссар?

Это к нему неслышно подошел юный Мора. Он был бледен, как, впрочем, и все остальные толпившиеся на палубе пассажиры, которые этим утром выглядели помятыми, с усталыми лицами.

— Почему я должен на вас сердиться?

— Вы ведь прекрасно понимаете... Я слишком нервничал, был так напряжен... И когда эти люди пригласили меня с ними выпить...

Все порядком перебрали накануне. Ведь это был последний вечер. Бар уже закрывался. Пассажиры, особенно американцы, хотели в последний раз воспользоваться возможностью отведать французских ликеров.

Но Жану Мора едва исполнилось девятнадцать лет. Он пережил длительное нервное напряжение, и его быстро наступившее опьянение оказалось весьма неприятным: он то плакал, то рассыпал невнятные угрозы.

Мегрэ удалось уложить его спать только в два часа ночи. Для этого юношу пришлось силой дотащить до каюты, несмотря на его бурные протесты, когда он накидывался на Мегрэ, в бешенстве бросая ему:

— Не думайте, что если вы знаменитый комиссар Мегрэ, то можете обращаться со мной, как с ребенком... Только один человек, слышите, один человек во всем мире имеет право приказывать мне — мой отец...

Теперь ему было стыдно; колотящееся сердце и расстроенный желудок вызывали тошноту, и именно Мегрэ пришлось приводить его в надлежащую форму. Комиссар опустил тяжелую руку на его плечо.

— Такое, дружище, случалось и со мной, причем гораздо раньше, чем с вами...

— Я был злым, несправедливым... Понимаете, я все время думал об отце...

— Ну конечно...

— Я так радовался, что увижу его, что с ним ничего не случилось...

Мегрэ курил трубку, стоя под морозящим дождем и наблюдая за серым суденышком, искусно маневрирующим для причаливания к наружному трапу, в то время как волны то поднимали его, то бросали вниз. Выполнившие головоломный трюк чиновники поднялись на борт парохода и скрылись в каюте капитана.

Открывались трюмы. К работе приступили кабестаны. Палуба заполнилась множеством пассажиров, и некоторые из них принялись фотографировать, несмотря на предрассветный полумрак. Многие

обменивались адресами, обещаниями непременно встретиться, писать письма. Другие, устроившись в салонах, заполняли таможенные декларации.

Таможенники покинули судно, и серый кораблик удалился. Вместо него к пароходу причалили два других катера, доставивших представителей полиции, иммиграционной и санитарной служб. В это же время пассажиров пригласили в столовую на завтрак.

В какой момент Мегрэ потерял из виду Жана Мора? Впоследствии оказалось очень сложно это установить. Он отправился выпить кофе, потом принялся раздавать чаевые. Едва знакомые люди пожимали ему руку. Затем он выстоял очередь в салоне первого класса, где врач пощупал у него пульс и посмотрел язык, в то время как другие чиновники просматривали его документы.

На палубе то и дело возникала толкотня. Кто-то сказал, что суматоху создают журналисты, поднявшиеся на борт, чтобы сфотографировать европейского министра и какую-то кинозвезду.

Его позабавила одна деталь. Он услышал, как один из журналистов, вместе с судовым администратором изучавший список пассажиров, сказал что-то похожее на фразу (познания Мегрэ в английском оставались на уровне коллежа):

— Смотри-ка! Однофамилец знаменитого комиссара криминальной полиции!

Где в этот момент находился Мора? Ведомый двумя буксирами, пароход приближался к статуе Свободы, которую рассматривали многочисленные пассажиры, столпившиеся возле поручней.

Мимо то и дело проходили небольшие коричневые суденышки, забитые пассажирами, словно вагоны метро, — это жители предместий, обитатели Джерси-Сити или Хобокена, добирались таким образом на работу.

— Будьте любезны, пройдите сюда, месье Мегрэ!

Пароход причалил к набережной «Французской линии»¹, и пассажиры гуськом потянулись вниз, озабоченные поисками своих вещей в здании таможни.

Где же находился Жан Мора? Мегрэ пытался его разыскать. Потом ему пришлось спуститься с корабля, потому что его снова позвали.

¹ «Французская линия» («French Line») — созданная в 1861 году пароходная компания, обеспечивающая сообщение США с Францией через Атлантику. — Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

Он решил, что легко найдет юношу внизу, на выдаче багажа, так как их фамилии начинались с одной буквы.

Обстановка казалась спокойной, причин для волнения не было. Мегрэ чувствовал себя неважно, утомленный продолжительным плаванием и терзаемый мыслями о том, что он напрасно оставил свой домик в Мён-сюр-Луар.

Он чувствовал, что находится не на своем месте. В такие моменты он становился ворчливым; к тому же Мегрэ терпеть не мог столпотворение и бюрократические формальности, вдобавок плохо понимая, что ему говорили по-английски, поэтому его настроение стремительно ухудшалось.

Где же был Мора? Мегрэ вынудили искать ключи от чемоданов, и он по привычке долго ощупывал все карманы, пока не обнаружил ключи там, где они и должны были находиться. Ему нечего было указывать в декларации, но тем не менее пришлось развернуть все пакеты, старательно завернутые мадам Мегрэ, никогда не проходившей через таможню.

Когда с этим было покончено, он заметил судового администратора.

— Вы не видели юного Мора?

— На борту его точно нет... Но и здесь нет... Хотите, чтобы я это выяснил?

Обстановка напоминала зал ожидания вокзала в разгар суматохи, когда пробегающие мимо носильщики то и дело бьют вас по ногам чемоданами. Мора искали повсюду.

— Наверное, он уехал, месье Мегрэ... Может быть, его кто-то встречал?..

Кто мог его встречать, если он никого не предупреждал о своем приезде?

Мегрэ был вынужден последовать за носильщиком, завладевшим его багажом. Он не разбирался в мелочи, которой его снабдил бармен, и не представлял, сколько нужно дать на чай. Потом его буквально запихнули в желтое такси.

— Отель «Сент-Реджис», — повторил он четыре или пять раз, прежде чем шофер его понял.

Сплошной идиотизм. Он не должен был поддаваться на уговоры этого мальчишки. В конце концов, это совсем ребенок. Что касается пожилого месье д'Окелюса, то Мегрэ задумывался, действительно ли тот намного серьезнее, чем юный Мора.

Лил дождь. Такси ехало через грязный квартал мимо до тошноты уродливых строений. Это и был Нью-Йорк?

Десять дней... Нет, девять дней назад Мегрэ сидел на своем обычном месте в кафе «Белая лошадь» в Мёне. Кстати, тогда тоже шел дождь. Дожди льют одинаково как на берегах Луары, так и в Америке. Мегрэ играл в белот. Пробило пять часов вечера.

Разве он не был отставным чиновником? Разве он не имел права наслаждаться отдыхом и своим домом, с такой любовью обустроенным? Домом, о котором он мечтал всю жизнь, одним из тех деревенских домов с чудесным запахом спелых фруктов, скошенной травы и восковой мастики, не говоря уже о рагу, томящемся на медленном огне. А ведь, Бог свидетель, мадам Мегрэ умеет готовить восхитительное рагу!

Разные дураки время от времени приставали к нему с раздражающими улыбочками:

— Не слишком скучаешь, Мегрэ?

О чем он мог скучать? О широких холодных коридорах криминальной полиции, о бесконечных расследованиях, о днях и ночах, проведенных в погоне за каким-нибудь мерзавцем?

Так вот! Он был счастлив. Он даже в газетах не читал рубрики о происшествиях и преступлениях. Когда к нему приезжал Люка, его любимый сотрудник в течение последних пятнадцати лет, было ясно без слов, что он не имеет права даже на самое незначительное упоминание о конторе.

Он играл в белот. У него как раз появился набор из трех старших козырных карт, когда официант сообщил, что ему звонят. Он пошел к телефону, держа карты в руке.

— Это ты, Мегрэ?

Звонила жена. Она так и не привыкла называть его иначе как по фамилии.

— С тобой хочет повидаться какой-то человек, приехавший из Парижа...

Разумеется, он отправился домой. Перед входом стоял надраенный до блеска автомобиль старой модели с шофером в униформе за рулем. Бросив взгляд в салон, Мегрэ заметил закутанного в плед пожилого мужчину.

Он вошел. Мадам Мегрэ, как всегда в подобных случаях, ждала его у входа.

Она прошептала: